

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

МАЙРХОФЕР М.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПЕРСЕПОЛЬСКОЙ НАДПИСИ КСЕРКСА, ПОЛУЧЕННЫЕ
СО ВРЕМЕНИ ЕЕ ОТКРЫТИЯ В 1967 ГОДУ

24 января 1967 г. в окрестностях Персеполя была обнаружена каменная плита с древнеперсидской клинописной надписью; эту плиту случайно нашел во время пахоты один крестьянин¹. Первые же исследования показали, что текст плиты вполне идентичен надписи на гробнице Дария I «Dareios Naqš-i Rustam b (DNb)» по содержанию и почти полностью совпадает с ней по словарю и порядку слов. Лишь имя Дария здесь последовательно заменено именем его сына Ксеркса I. Теперь это обстоятельство обычно уже не считают «характерным для эпитонства Ксеркса»²; очевидно, в обеих надписях скорее представлено некое «княжеское зеркало», которым могли пользоваться несколько царей³. Есть данные, позволяющие думать, что существовали и другие воспроизведения этого текста. Так, остатками аналогичного текста, также с упоминанием имени Ксеркса, можно считать обломки каменной плиты, найденные накануне Второй мировой войны в селевкидском храме близ Персеполя [3, с. 74—75]. Очевидно, как остатки «княжеского зеркала» можно рассматривать и фрагменты из Суз, изданные мною несколько лет тому назад [5, с. 131—132]. Я. Харматта с полным основанием полагает, «что этот текст... был высечен в нескольких экземплярах на каменных плитах и хранился в различных царских дворцах или был разослан в провинции» [3, с. 75].

То, чем мы в настоящее время располагаем, — это, наряду с уже упомянутыми фрагментами, лишь два полных варианта данного текста: давно известная надпись на гробнице Дария I (DNb) и та обнаруженная в 1967 г. полная надпись Ксеркса, за которой теперь утвердилось обозначение XPI (Xerxes Persepolis I)⁴. На протяжении 17 лет, т. е. с того момента, когда надпись XPI оказалась достоянием науки, ее рассматривали в разных аспектах; и лишь в последние годы стало ясно, что критическое сравнительное изучение XPI и DNb может способствовать также решению некоторых проблем древнеперсидского и даже индоиранского и индоевропейского языкознания.

В первые годы после того, как эта надпись была обнаружена и затем постепенно приобрела известность⁵, ее оценивали весьма положительно: надпись Ксеркса, скрытая в земле, сохранилась значительно лучше, чем идентичная надпись на гробнице Дария, которая на протяжении двух с половиной тысячелетий подвергалась атмосферным воздействиям и потому могла быть прочтена лишь частично. С помощью XPI можно было восстановить отсутствующие клинописные знаки в DNb и тем самым правиль-

¹ Относительно обстоятельств находки, сохранения и первичной обработки плиты см. [1, с. 45a].

² Так [1, с. 45a].

³ Литературу вопроса см. [2, с. 224] (к с. 171); кроме того [3, с. 75; 4, с. 174—175].

⁴ См. [6, с. 21 (§ 4.5)]; также [6, с. 25 (§ 4.6)].

⁵ Она стала доступна в изданиях на персидском языке уже в 1967 г. [1, с. 45, примеч. 4]. В 1969 г. В. Хинцдал транскрибированный текст с комментарием [1, с. 46—47, 50—51] и превосходную фотографию надписи [1, с. 48—49]. Транслитерированный текст (с указанием в примечаниях на все расхождения с DNb) существует с 1978 г. [6, с. 21—25].

по прочтении в DNb слова, которые до сих пор восстанавливались неверно: DNb 13—14 [·-]r-t-n-y-a теперь, привлекая соответствующее слово XPI 15 p-r-t-n-a-y-a, можно было с полной достоверностью читать как [p-r-t-n-y-a⁶]; неповрежденное u-θ-du-u-š из XPI 30 позволило восстановить параллельное место в DNb 27 u[·-·-·-]u-š как u[-θ du-]u-š⁷.

Я. Харматта [3, с. 72—75] указал — и это всецело его заслуга, — что хотя надпись Ксеркса и отличается лучшей сохранностью, однако выполнена она значительно хуже и с большим числом ошибок, чем параллельная ей надпись на гробнице Дария. Так, например, в XPI 52 сохранилось написание b-b-t-n-i-y, которому в DNb 47 соответствует b-r-t[-·-·-·-]y. Сравнение двух этих слов дает b-r-t-n-i-y — инфинитив глагола bar-«нести» (здесь скорее: совершать, исполнять)». Таким образом, в DNb слово было списано правильно, однако два клинописных знака оказались поврежденными из-за атмосферных условий. В XPI слово сохранилось полностью, но вместо правильного написания b-r- здесь ошибочное b-b-.

Для лингвиста подобные описки, так же как и простые погрешности против грамматики⁸ в XPI, не представляют такого интереса, как те случаи, в которых выявляется, что писец надписи XPI явно испытывал затруднения при правильной передаче старого древнеперсидского языка надписей, которым еще владел писец надписи DNb. В ряде случаев в надписи Ксеркса обнаруживается «модернизация», «актуализация» того архаического языка, который в надписи Дария использован еще вполне правильно.

Может показаться, что этому выводу противоречит наблюдение, сделанное еще при первом чтении надписи Ксеркса, обнаруженной в 1967 г.: многократно встречающаяся форма для «я есмь» в XPI всегда /ahmi/ (a-h-m-i-y), в то время как все другие древнеперсидские надписи, а следовательно, и все надписи Ксеркса дают форму /ami/ (a-m-i-y). Таким образом, свойственный древнеперсидскому языку процесс перехода от ир.-hm- (а также -xm-) к др.-перс. -m- в XPI не отражен. Кроме того, в XPI мы обнаруживаем форму /xratu-/ «сила духа»; в DNb ей соответствует /xradu-/, и все остальные корни *-tu также превратились в древнеперсидском языке в корни -θu-, явно путем аналогичного распространения на всю парадигму перехода -θ- и -θv-; этот переход произошел в падежной форме, имеющей морфему с начальным гласным (как в *xradv-ah = ведич. *krátv-as*). И в данном случае процесс, характерный для древнеперсидского (-tu- → -θu-), в XPI не отразился.

Однако считать /ahmi/ и /xratu-/ «архаизмами» абсурдно: каким образом могло бы сохраниться у носителей древнеперсидского языка состояние, предшествовавшее завершением (морфо-)фонологическим процессам (*-hm- → -m-, *-tu- → -θu-)? Поэтому все, высказанное в последнее время⁹ относительно /ahmi/ и /xratu-/, отличаясь друг от друга в деталях, основано на том, что эти формы берут начало в каком-то не древнеперсидском диалекте. Я не вижу оснований отказываться от своего мнения¹⁰, что в формах /ahmi/ и /xratu-/ «нашел отражение считавшийся аристократическим язык той близкородственной персам этнической группы, которой охотно подражали именно при дворе Ксеркса, т. е. язык мидийцев» [2, с. 161]. Разумеется, каждый перс — потому что XPI написана на древнеперсидском, а (к сожалению) не на мидийском языке — понимал, что /ahmi/ означает то же самое, что и /ami/ его собственного языка, а /xratu-/ —

⁶ Очевидно, здесь мы имеем др.-перс. /prtānīyā-/ «боевой дух», ср. ведич. *prtanāyā-* (демонинативный глагол); литературу см. [6, с. 22, примеч. 19].

⁷ Слово, переведенное из транслитерации в общепринятую транскрипцию древнеперсидского языка, — u-θa²du-, вторая часть которого идентична ведич. *chāndu-* «приятный». Литературу см. [6, с. 23, примеч. 31].

⁸ Так, уже первая строка надписи Ксеркса содержит грамматическую ошибку: i-m-m = /imam/, с именным окончанием местоименного корня ima-, в то время как местоименное /imat/ передано в соответствующем месте надписи Дария правильно как i-m. Разумеется, случаи такой ошибочной передачи грамматической системы древнеперсидского языка эпохи Дария в надписи XPI также можно считать «модернизацией», о которой еще будет речь дальше.

⁹ Они приведены в [6, с. 21, § 4.5.1 с примеч. 2—4].

¹⁰ В последний раз напечатано в [2, с. 159—162].

то же самое, что его /xraðu-/. Просто эти формы были более престижны, в соответствии с престижем мидийцев в Ахеменидском государстве. Конечно, северо-западный иранский язык мидийцев был совершенно понятен носителям юго-западного древнеперсидского, имевшим с мидийцами постоянные контакты.

Таким образом, /ahmi/ и /xratu-/ не попадают в XPI как «архаизмы». В других случаях, там, где язык надписи Дария действительно содержит древние формы, мы видим, что писец надписи XPI приводит их в соответствии с языком своего времени, модернизирует их. Так, в DNb мы еще находим написание *u-v-n-r-*, где в *u-v-* тем единственно возможным способом, который допускает древнеперсидская клинопись, выражено *ū-* долгое¹¹. Это /ūnara-/ означает «способность» и, очевидно, прежде всего «состояние хорошей мужской силы». Оно связано с ведийским адъективом *sūnāra-*, который в первую очередь следует понимать как «обладающий хорошей мужской силой» и в котором удлинение *-u-* в *su-* «хороший» сохранило архаический рефлекс начального ларингального в индоевропейском **h₂ner-* «мужчина» (греч. *ἄνῆρ*, арм. *այր*, фриг. *αἰαρ*): **su-h₂ner-* > инд.-ир. **sūnar-*. Вместо древней формы с долгим **sū-* (< **su-h₂-*) мы находим в XPI написание *u-n-r-a*. Здесь префикс **su-* (=др.-перс. *u-*) был восстановлен в своей употребительной форме, с кратким гласным, аналогично новоперсидскому *hunar*. Таким образом, утрата архаизма в *hunar* (в отличие от древнего **hūnara-* > др.-перс. /ūnara-/) произошла уже во времена Ксеркса.

Другой случай, когда я присоединяюсь к исследователям, считающим форму в надписи Дария изначальной, а в надписи Ксеркса модернизацией — это DNb 40 *yāutainiš*, которой в XPI, строки 44—45, соответствует *yāutaniš*¹². К сожалению, контекст допускает несколько вариантов перевода этого слова¹³, а среди этимологических толкований, предложенных как для *yāutainiš*, так и для *yāutaniš*¹⁴, нет ни одного безусловно убедительного. Тем не менее, основываясь на «общих принципах критики текста», о которых вполне справедливо напоминает Р. Шмитт [13, с. 352], мы можем с высокой степенью достоверности предположить, что *yāutainiš* — форма унаследованная, уже с неясной структурой, которую писец надписи Ксеркса сделал более прозрачной, уподобив эту форму употребительным, как, например, имени основателя рода Ахеменидов *Naḫā-taniš* «Ахаименес». Тогда форма в XPI *yāutaniš* — более поздняя, приведенная в соответствие с современным языком, а в DNb *yāutainiš* — исконная форма слова, с которой писец времен Ксеркса уже не знал, что делать. Как я уже говорил, ни одна из предложенных до сих пор этимологий (которые одновременно могли бы уточнить исходное значение формы *yāutainiš*) не убеждает меня в полной мере. Я поставил бы вопрос так: не могла ли форма *yāutainiš* быть вещественным адъективом с суффиксом первоначально жен. рода **-ainī-* (авест. *-aēnī-*, др.-перс. *-ainī-*), склонявшемся в иранском по типу флексии *vrkī-*; я указывал на этот тип несколько лет тому назад [14, с. 150—151]. Вполне можно допустить проникновение *-ainī-* во

¹¹ Примеры см. у Р. Г. Кента [7, с. 14а]. Наиболее примечательный из них — *U-v-j-* как передача слова /Uša-/ «Элам» (сегодняшний *Xūz-istān*); /ū/ в этом названии подтверждается не только его более поздними формами (как *Xūz-* или араб. *Ḥūz*), но и убедительным толкованием этого топонима в работе [8, с. 190—194], в которой автор утверждает, что название столицы Элама Суза (**Sūša*, см. также [2, с. 144—145]) было равно заимствовано иранским и в соответствии с его фонетическими законами превратилось в **(H)ūša*. Сомнение по поводу этого убедительного толкования, совершенно мне непонятное, высказано недавно [см. 9, с. 27, примеч. 76].

¹² Это слово встречается вторично в DNb (с отрицательной частицей *-a* в форме *a-yāutainiš* в строке 59). Оно употреблено в вызывающей затруднения заключительной части DNb (§ 9, строки 50—60), которая сильно повреждена и для чтения которой был бы желателен параллельный вариант в хорошо сохранившейся надписи Ксеркса. К сожалению, в XPI эта последняя часть вообще отсутствует и заменена ничего не говорящей формулой пожеланий.

¹³ В обоих вариантах один и тот же текст, DNb 40—41 = XPI 44—46, в котором царь говорит: «Я *yautai(i)niš* по рукам и ногам». Это дает нам возможность выбора между многими гипотезами относительно семантики слова *yautai(i)niš*.

¹⁴ Они прослежены в работах [10, с. 225—257; 11, с. 55; 12, с. 37].

всю систему форм этого адъектива (или же возможность образования на -i- для имен муж. рода на *-aina-); однако пока не найдено правдоподобное толкование лежащей в основе этого формы *yāita-, такое предположение можно высказать лишь как вопрос, и это, может быть, оживит дискуссию.

В двух случаях различия между DNb и XPI привели к новым научным выводам в области грамматики древнеперсидского языка и предшествовавших ему индоиранского и индоевропейского периодов. Один из этих случаев — DNb 21—24 = XPI 23—26, где оба текста переводятся однозначно: «что один человек выдвигает против другого, это меня не убеждает, пока я не услышу показания (под присягой) обоих». Незначительные различия в выборе и порядке слов двух этих текстов едва ли заслуживают упоминания¹⁵. Интересен лишь глагол, который несомненно означает «я слышу» и который в DNb 24 читается *a-x-š-n-u-v-i-y*, в XPI 26 *a-x-š-nu-i-mi-i-y*. Здесь бесспорно употреблен многократно засвидетельствованный древнеперсидский глагол *ā-xšnu-* «слышать» (ср.-перс. *ā-šnū-dan*). Так как в персидской клинописи имеются особые графемы для <nu>, <vi> и <mi>, то в обоих случаях можно без всяких колебаний транскрибировать слово полностью, что при этой многозначной письменности удастся не часто: в DNb следует читать *āxšnauvaiy*, в XPI *āxšnumiy*¹⁶.

Становится сразу ясно, что в DNb — окончание среднего залога 1-го лица ед. числа (-aiy), а в XPI — соответствующее окончание действительного залога (-miy). Хотя оба основных издания констатировали это различие в диатезах, однако они не отметили, что эти формы, по-видимому, противоречат правилам грамматики¹⁷: закон индоевропейской грамматики гласит, что единственное число действительного залога имеет «сильную» (нередуцированную) форму основы, а средний залог — «слабую» (с чередованием). В нередуцированном среднем залоге *āxšnauvaiy* и в действительном залоге с чередованием ступеней гласного *āxšnumiy* этот закон загадочным образом как бы превращен в свою противоположность.

Я думаю, эта загадка легко разрешима, если иметь в виду, что писец надписи XPI был не в состоянии понять языковые архаизмы оригинала¹⁸ и потому изменил их, пользуясь средствами живого языка своей эпохи. Поэтому оставим пока форму XPI *āxšnumiy* в стороне и позднее рассмотрим лишь, с помощью каких средств модернизировал писец архаизмы. Сам же факт их модернизации ясно показывает, что *āxšnauvaiy* в DNb была очень древней языковой формой.

С появлением оригинального исследования И. Нартен [15] нам стал известен древний тип презенса ведич. *stāumi* «я восхваляю» (действительный залог): *stāve* (средний залог), инд.-ир. **stāy-mi* : **staq-ai*. В этом типе презенса, который И. Нартен называет «протеродинамический», в новейшей терминологии «акростатический», древнеперсидская форма среднего залога *ā-xšnauvaiy* (инд.-ир. **kšnāy-ai*) заняла бы свое место. Она — по образцу ведич. *stāu-mi:stāv-e* — существовала бы наряду с формой действительного залога **kšnāy-mi*, которая даже, возможно, сохранилась в ведич. *kšnaumi* «я заостряю». Семантический переход «заострять» > «*наострить уши» > «слышать» не лишен параллелей¹⁹. Во всяком случае, нередуцированный средний залог **kšnāy-ai* (др.-перс. -*xšnauvaiy*) вполне закономерен в рамках презенса, описанного И. Нартен. Вместе с тем он является очень древней формой, так как тип *stāumi* ограничен

¹⁵ Их легко проследить в [6, с. 23 и примеч. 24].

¹⁶ Остается лишь неясным, не лучше ли читать этот глагол в XPI как *axšnumiy*; <-nu-i-> передает в равной мере как /ni/, так и /ni/. Для последующего рассмотрения этот вопрос значения не имеет.

¹⁷ Так, Хинц [1, с. 47b] пишет только: «Таким образом, DNb употребляет форму медиального, а XDNb [=XPI] — действительного залога»; Майрхофер [6, с. 23, примеч. 26] замечает лишь: «Различные диатезы».

¹⁸ Следует указать, что XPI никоим образом не является копией DNb. Оба текста были независимо друг от друга скопированы с образца, предложенного царской канцелярией (литературу см. [6, с. 21, 23, примеч. 33]). Окончательное доказательство этого — отсутствие в DNb целого предложения, сохранившегося в XPI, — будет рассмотрено в конце данной статьи.

¹⁹ См. [16, с. 98, примеч. 19]; еще более отчетливо — [17, с. 203, примеч. 8].

малым числом индоиранских глаголов²⁰ и в древнеперсидском (правда, дошедшем до нас лишь в фрагментах), помимо *āxšnauaiy*, по-видимому, не встречается.

Как вел себя писец надписи XPI по отношению к форме *āxšnauaiy* оригинала? Очевидно, ему был уже непонятен архаизм нередуцированного среднего залога, однако он сознавал, что имеется в виду форма «я слышу» от глагола *ā-xšnu-*. В качестве замены он выбрал самые современные для него языковые формы: более употребительный действительный залог (*-miy*) вместо более редкого среднего залога; элизию (в *ā-xšnu-diy* «слушай!», ср. также развитие этой формы в ср.-перс.: *ā-šnū-dan*) вместо полной ступени. Неправильный действительный залог *āxšnumiy* следует рассматривать не как результат органичного развития языка, а как попытку образовать с помощью наиболее привычных средств вместо непонятого архаизма форму 1-го лица ед. числа глагола *ā-xšnu-*. Однако без этого несоответствия между формой действительного залога *-xšnu-* в XPI и средним залогом *-xšnauv-* в DNb мы, пожалуй, не увидели бы, что *ā-xšnauv-diy* вполне объясним как форма среднего залога акростатического типа²¹.

Второй случай, когда отличия в XPI дают возможность решить вопросы, связанные с DNb, касается синтагмы DNb 25—26 *a-nu-u-v t-u-m-n-i-š-i-y*, которая должна означать «по мере его сил». До того как стала известна надпись XPI, мы могли с уверенностью сказать лишь одно: здесь имеется слово *tauman-* «сила» (*t-u-* это, очевидно, */tau-/*, так как в древнеперсидской письменности существует графема *<tu>*), по-видимому, продолжающее инд.-ир. **tau(H)man-*, ведич. *tav(i)-* «быть сильным»²². Что же касается падежной формы перед энклитическим местоимением *-šaiy*, то относительно нее высказывалось несколько предположений, ни одно из которых не было удовлетворительным²³. Благодаря счастливой случайности нам одновременно стали известны два новых обстоятельства, которые сделали возможным простое решение проблемы формы *t-u-m-n-i-š-i-y* в надписи DNb: указание Ф. Б. Кейпера²⁴ на то, что древнейшему иранскому был свойственен исход на **-an-i*, и.е. **-en-h₂*, в номинативе-аккузативе мн. числа основ среднего рода *-an-* (например, в староавест. *pāmānī*) и параллельное место в XPI 28 *a-nu-u-v t-u-m-a*, где *'anu'* явно сочеталось с аккумулятивом ед. числа от *tauman-*, */tauma/* [17, с. 202]. При этом форму *t-u-m-n-i-š-i-y*, несомненно, следовало понимать как *'taumani-šai'*, т.е. она свидетельствовала о наличии отмеченного Кейпером исхода на *-ani* также и в древнеперсидском. Таким образом, оба варианта отличались только числом, которое для такого не поддающегося исчислению понятия, как «сила», вполне могло быть изменено: в немецком языке *gemäß seiner Kraft* «в меру его силы» и *gemäß seinen Kräften* «в меру его сил» воспринимались бы почти как синонимы. Возможно, писец надписи Ксеркса предпочел форму ед. числа *'tauma'*, так как исход мн. числа */-ani'*, не встречающийся в засвидетельствованных древнеперсидских текстах, создавал для него трудности — особенно если в древнеперсидском, как это показал Кейпер для авестийского²⁵, существовало одновременно несколько формальных способов образования аккумулятива мн. числа [17, с. 204, примеч. 19]. Писец XPI выбрал бы и в этом случае «актуальную» языковую форму, бессознательно способствуя тем самым пониманию грамматических особенностей надписи DNb²⁶.

²⁰ Вероятно, в индоевропейском этот тип был продуктивнее, что показывает не только анатолийский язык (см. об этом [18, с. 100, примеч. 27]); для некоторых других индоевропейских языков тип с активным **CeC-mi* был выработан лишь в очень позднее время. Во всяком случае, в индоиранском эта флексия рецессивна (см. [15; 18, с. 100, примеч. 27]).

²¹ Подробнее см. [16, с. 97—99].

²² [7, с. 185b; 17, с. 204], с указанием литературы.

²³ См. об этом [7, с. 65a, 185b; 17, с. 202, 204, примеч. 10].

²⁴ [19, с. 83—94]; краткий реферат — [17, с. 203].

²⁵ См. [19, с. 90—91].

²⁶ Не имея возможности дать обоим вариантам более детальную лингвистическую интерпретацию, я хотел бы указать на еще одно различие между ними: вместо *f-r-t-r* «превосходящий» (в DNb 38 *fratara maniyaiy ajuvaya* букв. «я считаю себя превосходящим страх») в XPI 42 стоит *f-r-θ-r*. В остальных древнеперсидских надписях неоднократно

Итак, мы смогли установить, что хотя новая надпись Ксеркса сохранилась лучше, чем параллельный ей текст на гробнице Дария, однако она отличается ошибочными написаниями, грамматическими погрешностями и модернизацией древних языковых форм текста Дария. В заключение хочу остановиться на единственном, пожалуй, случае, когда XPI превосходит надпись Дария по качеству. В строках XPI 30—31 содержится скопированное с образца предложение, которое, как это и предполагалось задолго до открытия XPI²⁷, пропустил каменотес, выбивший надпись DNb. Это предложение, отсутствующее в DNb, гласит: *u-t-a v-s-i-y d-d-a-m-i-y a-g-r-i-y-a-n-a-m m-v-t-i-y-a-n-a-m*. Правда, здесь также надо исправить ошибочное написание (разумеется, последнее слово должно звучать *m-r-t-i-y-a-n-a-m*); в остальном это предложение, за исключением прилагательного, речь о котором впереди, состоит из хорошо известных древнеперсидских слов, так что в основной своей части оно поддается транскрипции и переводу: «и (*utā*) щедро (*vasiy*) даю я (*dadamiy*)²⁸ мужам (*martiyānām*), которые есть *a-g-r-i-y*». Чтение и этимология этого слова еще требуют исследования, которое, однако, вряд ли приведет к однозначным результатам.

Древнеперсидская письменность дает возможность различного чтения слова *a-g-r-i-y*: такое написание можно прочесть как *agriya-*, *āagriya-*, *agariya-* и *āgariya-*. Кроме того, во всех четырех случаях *-i-y* можно читать также *-aiya-*, что благодаря существованию ведийского суф. *-eyā-* не является лишь чисто теоретическим предположением. Несколько проще сузить семантическое поле слова *a-g-r-i-y*. В XPI это слово засвидетельствовано не впервые, оно появляется уже в столбце I, строке 21 большой надписи Дария I на Бехистунской скале, и здесь его семантика абсолютно ясна. Этот отрывок гласит: «человек, который был *a-g-r-i-y*», — его я щедро награждал; человек, который был *a-r-i-k*-, — его я сильно наказал. Таким образом, *a-g-r-i-y*-, несомненно, противопоставляется слову *a-r-i-k*-, засвидетельствованному и в других местах Бехистунской надписи [7, с. 170a], и может быть переведено «неверный, нелояльный, вероломный». Тогда противоположное ему слово *a-g-r-i-y* имело бы значение «верный, лояльный». Во втором примере из XPI это значение также оправдано.

Из всех возможных чтений этого слова Р. Г. Кент в первом издании своей грамматики²⁹ принял формально самое простое, а именно *agriya-*, которое нашло бы полное соответствие в близкородственных языках: ведич. *agriyā-*, авест. *ayriia-*. Возражения против такого сопоставления диктовались семантикой. Ведич. *agriyā-* означает «совершеннейший» (чаще всего о богах), авест. *ayriia-* «первый (по качеству)» (преимущественно о животных, а также о напитках); основное значение инд.-пр. **agriya-* «стоящий во главе (ведич. *āgra-*)». Согласно Э. Бенвенисту [21, с. 32; ср. 7, с. 165b], эти слова семантически слишком далеки от др.-перс. *a-g-r-i-y* «верный, лояльный».

Вместо этого Э. Бенвенист [21, с. 33] предложил слово *āgrāmaitiś* (Яшт 17, 6), засвидетельствованное всего один раз. Вслед за Хр. Бартоломе [22, с. 310] он связывает это слово с *ā + gar-* «восхвалять». Хр. Бар-

то встречается *f-r-t-r-* (с различными значениями), однако дважды — *f-r-θ-r-* (в одной из надписей Ксеркса, XPI 26—27 и 37). Тем не менее параллель DNb *f-r-t-r-* = XPI *f-r-θ-r* исключает возможность того, что *f-r-θ-r* всецело иного происхождения, чем *f-r-t-r-* (см. [10, с. 207—208] с указанием литературы). Замечание Э. Бенвениста [20, с. 33], что **fraθaram*... превращается в неточную запись [формы] *fratarām* в такой краткой формулировке непонятно, так как, по-видимому, других случаев, когда *-θ-* является неточным воспроизведением *-t-*, нет. В большинстве случаев *fraθara-* объясняется как факультативная форма инд.-пр. **prathara-*, которая относится к сравнительной степени *fratarā-*, как превосходная степень ведич. *prathamā-* «самый передний, первый» к др.-перс. *fratama-* (**pratama-*); см. литературу [7, с. 198a]. Никто еще, очевидно, не подумал о беглой форме **pratara-* *f-r-t-r*, **pratara* > *fraθara-* (*f-r-θ-r*), которая, правда, должна быть отнесена к мидийскому языку, так как в самом древнеперсидском форма **fraθra-* превратилась бы в **fyaça-*.

²⁷ См. [6, с. 23, примеч. 33].

²⁸ Правда, пока в древнеперсидском от *dā-* «давать» было засвидетельствовано только повелительное наклонение *dadatuw* «пусть он даст»; однако в соответствии ему ведич. *dādami* «я даю» нет никаких сомнений.

²⁹ См. [21, с. 32].

толоме переводил это авестийское слово «со значением „одобряющий, соглашающийся, предупредительный“» и связывал его с адъективом **ā-gra-*. И. Гершевич [23, с. 226, примеч.] в том единственном случае, когда слово *āgramaitiš* засвидетельствовано, переводит его «watching» («бдящий») и связывает с другим иранским корнем *gar-*, означающим не «восхвалять», а «бдить» [22, с. 511—512]. Он рассматривает при этом др.-перс. *a-g-r-i-y-* как *ā-gar-ya-*, что может значить «бдительный; осмотнительный». В пользу такого толкования говорит и наблюдение Ф. Вайсбаха [24, с. 12], что в аккадской версии Бехистунской надписи в соответствующем месте стоит *pi-it-qu-du* «осмотнительный» (к *paqādu* «доверять, поручать») ³⁰. Эта аргументация заслуживает всяческого внимания, однако мы вместе с В. Хинцем [1, с. 50b, примеч. 12] вынуждены указать, что «бдительный», пожалуй, недостаточно сильное слово для перевода выражения, противоположного понятию «неверный, нелояльный, вероломный». Однако никакой позитивной этимологии для *a-g-r-i-y-* Хинц не предлагает.

Не следует, однако, упускать из виду, что *a-g-r-i-y-*, вероятно, все же можно сопоставить с ведич. *agriyā-* «самый совершенный». Нам неизвестно, какими путями шло изменение семантики в древнеперсидском; однако возможное превращение «превосходнейшие, лучшие» в «верные» имеет определенную параллель у Цицерона в *boni viri*: мужи, сохранившие верность Римской республике. Если лат. *bonus* «хороший» могло в известных контекстах означать «верный, лояльный», то путь от инд.-ир. **agriya-* «лучший, превосходнейший» к */agriya martiya/* «верный, храбрый муж» персидского царя уже не кажется непреодолимым. Я высказываю эти соображения с большими оговорками — в надежде, что параллели семантического развитию от «превосходнейший» к «верный» из других языков помогут найти этимологию др.-перс. *a-g-r-i-y-*.

Перевела с немецкого Цивина К. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen. Berlin, 1969.
2. Mayrhofer M. Ausgewählte kleine Schriften. Hrsg. von S. Deger-Jalkotzy und R. Schmitt. Wiesbaden, 1979.
3. Harmatta J. Altiranische Funde und Forschungen. Zu einem Buch von Walther Hinz. — Die Sprache, 1973, Bd. 19.
4. Deger-Jalkotzy S. E-QE-TA. Zur Rolle des Gefolgschaftswesens in der Sozialstruktur mykenischer Reiche. Wien, 1978.
5. Mayrhofer M. Zu übergangenen Inschriftenfragmenten aus Susa. — Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1982, Bd. 118.
6. Mayrhofer M. Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften. Wien, 1978.
7. Kent R. G. Old Persian. Grammar — Texts — Lexicon. 2nd ed. Revised. New Haven (Conn.), 1953.
8. Szemerényi O. Iranica. II. — Die Sprache, 1966, Bd. 12.
9. Eilers W. Geographische Namengebung in und um Iran. — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1982/5. München, 1982 [=1983].
10. Wüst W. Altpersische Studien. Sprach- und kulturgeschichtliche Studien zum Glossar der Achämeniden-Inschriften. München, 1966.
11. Mayrhofer M. Neuere Forschungen zum Altpersischen. — Donum Indogermanicum. Festgabe für Anton Scherer. Heidelberg, 1971.
12. Schmitt R. Altpersisch-Forschung in den Siebzigerjahren. — Kratylos, 1980 [=1981], Bd. 25.
13. Schmitt R. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1972, Bd. 63/64, S. 350—353. — Rec.: W. B. Henning memorial volume. London, 1970.
14. Mayrhofer M. Zu iranischen Reflexen des *vrkt-*Typus. — In: Recherches de linguistique. Hommages à Maurice Leroy. Bruxelles, 1980.
15. Narten J. Zum «proterodynamischen» Wurzelpräsens. — In: Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper. The Hague — Paris, 1968.!
16. Mayrhofer M. Archaismus und Innovation. Eine grammatische Unterscheidung in Keilschrift-Paralleltexten aus achämenidischer Zeit. — AO, 1979, Bd. 47.

³⁰ [25, с. 824b, 870b]. Фойтглантер [26, с. 54] переводит это слово аккадского варианта Бехистунской надписи «заслуживающий доверия».

17. *Mayrhofer M.* Altpersisch *taumani* «Kräfte». — IJ, 1982, Bd. 24.
18. *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
19. *Kuiper F. B. J.* Old East Iranian **nāmani* «names», etc. — IJ, 1978, Bd. 20.
20. *Benveniste E.* Encore une nouvelle inscription perse de Xerxes. — BSLP, 1933, Bd. 34.
21. *Benveniste E.* Études sur le vieux-perse. — BSLP, 1951, Bd. 47.
22. *Bartholomae C.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
23. *Gershevitch I.* The Avestan hymn to Mithra. Cambridge, 1959.
24. *Weissbach F. H.* Die Keilinschriften der Achämeniden. Leipzig, 1911.
25. *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Bd. II. Wiesbaden, 1972.
26. *Vogtlander E. N. von.* The Bisitun inscription of Darius the Great. Babylonian. version. London, 1978.